

18+

Александр
Горностаев

ТРЕТЬЕ НЕБО

Александр Горностаев

Третье небо

«Издательские решения»

Горностаев А.

Третье небо / А. Горностаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530851-1

Несмотря на непрерывный поиск, эксперименты, Александр Горностаев был и остается глубоко русским, национальным поэтом. Всегда стоявший за прогресс формы, за аналитический, философско-исследовательский характер содержания стиха, он генетически происходит из есенинско-васильевской традиции Великого Созерцания, и, погоняя эволюцию литературы, сам же, в духе хрестоматийного славянского противоречия, осаживает её, как лихую тройку: Ещё с прогрессом чуточку помедлите, позвольте на заре увидеть мне...

ISBN 978-5-00-530851-1

© Горностаев А.
© Издательские решения

Содержание

ТРЕТЬЕ НЕБО	6
«Ещё с прогрессом чуточку помедлите...»	6
НЕ ПРОИГРАТЬ В ПОЭЗИИ ИГРУ	7
КАНАТОХОДЕЦ	8
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО	9
МЫСЛЕНАСЕКОМЫЕ	12
ГОД ТИГРА	14
ПАМЯТНИК ТОВАРИЩУ	15
ИЗ ШЕКСПИРА	17
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Третье небо

Александр Горностаев

© Александр Горностаев, 2021

ISBN 978-5-0053-0851-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТРЕТЬЕ НЕБО (книга третья)

«Ещё с прогрессом чуточку помедлите...»

Александр Горностаев пишет стихи, следуя прежде всего неизбывному желанию донести до читателя перманентное, импрессионистское чувство, образы читать и ощущать которые следует в первозданном виде, так сказать «горячими», необработанными, первобытными. Такое чтение требует определенной подготовки – взыскательный любитель поэзии рискует здесь споткнуться о дикий природный камень Горностаевской формы и «за деревьями не увидеть леса». А увидеть леса трепещущих, вибрирующих метафор и простор оригинальных духовных странствий автора – нужно. Потому что обидно было бы этому самому любителю поэзии пропустить новую книгу одного из самых оригинальных саратовских поэтов, не подняться с ним на его «Третье небо». тем более что подъем, восхождение, генезис действительно на лицо – А. Горностаев, пишущий давно и плодотворно, продолжает эволюционировать, осваивать новые для себя плодородные целинные земли: историко-политическую («Интерпретация истории») проникновенно-лирическую («Подражание»), и даже литературно-публицистическую («Об Асадове, о времени, о себе»). последняя представляет из себя эссе, совсем не случайно включенное именно в поэтический сборник. Во многом здесь мы можем познакомится с творческим кредо не только Асадова, но и самого автора книги, понять его систему взглядов на поэтическую работу. Иногда поэту все-таки приходится выходить за рамки ритмического рифмованного слова, для того чтобы задушевно, «за скобками» пообщаться с читателем – и это как раз такой случай. Но не смотря на непрерывный поиск, эксперименты, даже на эпизодическое литературное хулиганство, Александр Горностаев был и остается глубинно русским, национальным поэтом. Всегда стоявший за прогресс формы, за аналитический, философско-исследовательский характер содержания стиха, он генетически происходит из кольцовско-есенинско-васильевской традиции Великого Созерцания, а потому, погоняя эволюцию литературы, сам же, в духе хрестомптийного славянского противоречия, осаживает её, как вечно лихую тройку:

Ещё с прогрессом чуточку помедлите,
позвольте на заре увидеть мне:
как пролетают над землею лебеди,
как в поле скачут табуны коней.

Прочтите эту книгу, и вам также откроется многое и по новому – благодаря поэту Александру Горностаеву.

Алексей Бусс

НЕ ПРОИГРАТЬ В ПОЭЗИИ ИГРУ

Поиск наиболее значимых слов, воздействующих на воспринимающего слушателя или читателя, зримое отображение с помощью слов собственных переживаний, чаяний, мыслей...

Искусство слова – особая речь, некий диалект, на котором нужно научиться и уметь разговаривать. Да, речь, выраженная с помощью образов – особая сфера человеческого общения, особый язык. Как некий иностранный, он не всегда бывает доступен, понятен читающему. Ему уже нужна подготовка к восприятию языка. Но в большей степени нужна подготовка творящему речь автору. Думается, на языке образов, на похожем языке разговаривают с человечеством высшие сферы – может быть, боги. Проявление этого общения, разговора с помощью образов мы можем наблюдать во снах, когда появляются в нашем сознании некие картины. Что несут они в себе?, какую-то пусть и не ясную информацию. Понимаем ли мы этот разговор, адресованный нам? Нет? В контексте моей темы разбираться в этом нет необходимости. Важно, что сон напоминает проявление образа в языке поэзии.

Даже понимая, что образность – главное с помощью чего создается искусство, нередко посвященные пытаются опровергать это. Почему? Все равно при всех исключениях образ – главное явление искусства. Но причина есть... Всё-таки вещество поэзии, её не явленная сущность лежит где-то в других плоскостях, за гранью образа. Потому так трудно достигают цели (воздействия на психею слушателя) разные формальные ухищрения модернистов. Вроде бы новизна их лексических средств, тяжеловестность метафор, полёты эпитетов и пр. на высшем уровне, но в сфере восприятия восхищение их опусы могут вызывать лишь как некий ребус, адресованный к логическим (или не логическим) проявлениям ума. Играть в слова как в шахматы, интересно. И все-таки у поэзии есть более высокие уровни...

Ясно, что настоящее вещество поэзии, как драгоценные камни, лежит где-то глубоко, за гранью образа, за значением слов, находится между высказыванием, над написанным, создавая какую-то особую, прямо таки живую субстанцию. Вот тогда, когда поэту в конструкцию слов, как творцу, удастся вдохнуть подобие души, возникает оно – это присутствие поэзии как присутствие жизни... Но для присутствия поэзии необходимы новые формы, не избитые слова и образы. Тогда может оно, это вещество, появиться. Где-то в правильном направлении идут "профессионалы игры в слова». Только в новом не избитом, в непечатых пластах можно найти поэзию... Устаревшие средства как бы теряют свойства воздействия, если мы описываем современный мир, со всеми явлениями, чувствами, мыслями. Они, как при ядерном синтезе, должны иметь более высокую скорость разгона, чтобы воздействовать на атомы души, вызвать реакцию... Поэтому нужны современные скорости разгона слов...

КАНАТОХОДЕЦ

Если в карму поверить, то был я циркач,
в прошлой жизни ходил по канату;
и содружество звёзд мне внушало сверкать
равновесья высоким талантом.
Без страховки наверх выходил,
понимая: нельзя оступиться.
Лишь быстрее сердце билось в груди,
не слабел тренированный бицепс.
Но однажды, уставший от травм,
не попал в ритм привычного танца...
И паденья смертельного страх
мне из той жизни смог передаться...
В нови дней я замечу растраченность сил, —
будто прежний ходок по канату.
Вот и жизненный смысл, как судьбы балансир,
ускользает из рук потерявшего хватку.
Можно стресс тяжкой кармы изжить и забыть,
отдалиться от дел, отойти от событий,
и на скользкой на тонкой опоре судьбы
перестать вечно делать кульбиты.
Для чего же земной организм
просит снова опасности дозу,
чтоб партнёршу, сошедшую вниз,
поразить мастерством виртуоза?
Я с подошв кровь стремлений оттер
и смотрю,
не прельщенный ни славой ни лестью, —
как наверх, словно в счастья восторг,
на канаты свои обречённые лезут...

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Я шёл до света солнца на работу,
на освещённый вещевого базар
фонариками утренней заботы, —
мне вывозили грузчики товар.
Был мир доходов чрезвычайно зыбким,
как утра блики на вершинах крыш,
Но продавщиц молоденьких улыбки
я принимал, как за упорный труд барыш.
И если в ясных их глазах светила
как солнце, нежность – в сполохах ума,
мне вечерами нравилось в тиши интима
желаний девичьих причуды принимать.
Пока вставало солнце над базаром
я мог остановиться, отдохнуть,
и возникал, как призрак пред глазами,
текущей жизни непонятный путь.
В судьбу смешную местного торговца
предназначенья истинного свет
не проник, как из-за тучи – солнце,
и был деяний слишком узок спектр.
Как утром – зябким, призрачно-пустынным—
был сумеречен мир в моей душе.
И восхождение чувств как бы застыло
на грани дня, на тёмном рубеже...

В мою судьбу сквозь ночи мрак гнетущий
вольется луч – и трепетен, итрепетен, и тих —
и, как рассвет, за окнами встающий,
забрежит новых мыслей полон стих.
Я всё же смог в облаве бедствий сдюжить,
не умереть от боли, потеряв любовь.
Но чтоб сильнее не ранить чью-то душу,
не напишу об этом я стихов.
Изыдут вон мои печали – мысли,
лишь приоткроет двери утра рань.
И свет иных неистребимых истин
вольётся в душу, вместо тьмы утрат.
Глаза вещей разбудятся в квартире,
придет покой, как мудрый пилигрим,
и вспомню я про счастье в этом мире,
про яркость дней, про зарево зари.
Я выйду в мир, в пространства улиц, в город,
избавленный от тяжких дум плохих,
и вот тогда почувствую, как голод,
желанье жить, влюбляться, сочинять стихи.

Стоит как недруг у порога старость...
Ей двери бы совсем не открывать,
но крепость дней так просто не оставит,
как подступивший к стенам сильный враг.
Крепись же, крепни, молодости Троя!
Врагам сдаваться – рано через чур.
Ещё подходит сердцу роль героя,
и мужественен глаз моих прищур...
В ученики к Гомеру
(вольный стих)
Одoleвают мысли: как похитрей по древу растечься мысью*,
как на конях гексаметра – во весь опор размера,
скакать до древних дней, поигрывая мышцею,
и в одеяньях новых лет прийти в ученики к Гомеру.
Премудрый старец зряч умом и сердцем видит больше, чем иной глазами.
Сидит у моря в одиночестве, как будто ждёт пришельцев из грядущего,
к нему явлюсь я робкий, как студент, идущий на экзамен.
И появленье – примут зрящие, как проявленье волшебства могущества.
К великому другим путём мне не попасть – в корманах с пустошью.
Не соберут, как Одиссея Алкиной, меня в Итаку
с дарами жалкими князя эпохи царствования Путина.
До места не пошлют флотилий парусных эскадру.
Но попадаю вопреки укладу жизни в царство за границы,
не видевший ни с трапа птиц железнокостных,
ни с лестниц зверя рельсоходного поместья Рима, красок Ниццы,
далёких и недосыгаемых, как космос.
Передо мной не монотонность небоскрёбов эры электроники.
Но амфоры и мачты кораблей усыпали песчаный берег.
Гомер сидящий, гостя встретивший, как мастер хроники,
распрашивает тут, как у ахейцев принято, во первых,
кто я и кто отец, кому князя все наши данники.
«Пер астера ат астра, – спросит, – чужеземец, ты идущий будто бы?».
Я заспешу с ответом, мол, с Гипербореи, пришлый ученик, с Гардарики.
У нас в почёте греческий огонь и процветает магия компьютера.
Он к солнцу повернёт главу, и просветленный лик свой явит он,
сказав: «Я знаю – за геракловы столбы уходит путь в страну Борея.
Почитывал Сократ перед принятием ванны мне сказания Бояновы, —
способный паренёк: так в русский люде, в божествах уверен...»
Пройдут рабыни берегом, как корабли, покачивая амфоры;
достанут рыбаки из моря длинные, как наши речи, сети.
На всю гомеровских вопросов вещную преамбулу
мне, как ученику пред испытаньем, предстоит ответить.
Я знал учителей хороших, и таких – мудрее змия,
знавал и честных, настоящих, и простых, и хитрых.
но всё хожу я где-то рядом с истиной, не понимая мира,
как в лабиринтах Минотавра на берегах Калхиды.
В стенах наук я набирался мыслей необузданной романтики,
с философами кухонь издавна потачивал я лясы,
но грезились мне из других миров наставники,

и к берегам неведомым я в думах отправлялся...
«Учиться складу нужно так, – Гомер мне скажет, – как мечом владению»...
Я попрошу: коль в написании гекзаметром бои необходимы,
мне заменить их встречей с музами, гусей кормлением, —
волшебных птиц, спасавших некогда великолепья Рима...
В круженье дня хорош особенно гомеровский нетленный эпос,
но скоро тьма и нужен сон, иначе не увижу я рождавшуюся рано Эос.
— — — —
Мысль – ст. слав.«белка»

(из ранних стихов)

МЫСЛЕНАСЕКОМЫЕ

На природе в зелёной траве
суета насекомой жизни.
Двигаются в голове,
как букашки, разные мысли.
Словно жук рыжий, в белых пятнах
пробежала такая мысль,
что в тонах очень благоприятных
показалась вся наша жизнь.
А у мысли другой, рогатой
в черном цвете была броня...
Повстречались они, с той, в пятнах,
подрались и ушли, бронясь.
Пробегали ещё другие,
шли случайные дню в унисон,
в оболочках литых, как гири,
мягкотелые, как песок.
Мыслей разных бывает столько,
сколько живности есть в траве.
Если думать о жизни долго
перепутается в голове

1986—87г..

Стишинки

Заблудших душ греховное блаженство.

*

Хорош был хрустящей картошки естественный вкус.

*

Опять я опоздал к воздушным поцелуям.

*

В твоих глазах тоска объевшихся горчицей.

*

Писать презренной прозой —
глупа к поэтам просьба.

Я как поэт сам делавший себя,
по меркам и лекалам Горностаева,
хочу, чтоб критика несмыслящих ребят
в покое творчество моё оставила.

День хорош, может, был для загара,
для вниманья к растениям и людям...
Гумилёв не заметил пустыню Сахару,
проезжая её на верблюде.

Ты в рифмах мастер, все стихи твои, как гол,
в воротах истин, в сердца нервных сетках.
Но десять тысяч ходят на футбол,

и десяч человек на вечерах поэта.

ГОД ТИГРА

Слишком не умно занял я
мысли свои стихами,
что не нашло признание
мой драгоценный камень.
Ныне идя по городу,
прибывший из далёко,
радуюсь просто холоду,
улицам и дорогам.
Слышу роптанья ясеней,
шорохи снежных хлопий.
Мысли мои ясные,
словно родник глубокий.
Руки, как ветви в инее,
сжавшие снег, притихли,
словно в засаде, сильные
лапы тигра...
1992.

ПАМЯТНИК ТОВАРИЦУ

У меня был хороший товарищ.
Я ему бы сегодня отправил привет,
но ушёл – Кузнецов Сергей Палыч...
Исходивший не мало наш свет.
В бурной жизни моей – в многогранье —
не был он ни одной из вершин.
Но бывало с автобусом ранним
ездил с ним я исследовать жизнь.
Много ль знал я о нём в дни разрухи и риска,
попадавший и сам то в тоску, то в беду?
Что он прыгал в длину лучше всех журналистов,
и до самых морозов купался в пруду?
Дар чтеца и ведущего – как у артиста,
я всегда отмечал у него.
Но к себе примеряющий роль афериста,
он по жизни играл – из рук вон...
В смыслах творчества не колебался,
он теорию строил свою:
мол, среди пишущих плохо и слабо
есть не мало вступивших в Союз.
Внешне алчущий почестей мира и благ он,
светлый сердцем, образчиком был доброты.
В одиночестве шевствуя в жизнь, бедолага,
он не редко по краю бродил нищеты.
В нашей жизни хватает печалей богатства,
и в ухабах и ямах ведущая к славе стезя.
И бывает немислимо трудно собраться
снова жить, если словом, как пулей, – сразят...
Были к славе его все потуги – нелепы.
Так зачем же, сродни покушенью на жизнь,
приставлять, эти меткие как пистолеты,
к сердцу критики речи и пошлости лжи...
Я его, жизнью занятый, долго не видел...
Кто следил за чредой его бед и побед,
Как хромал он, ранимый, в болезни ль, в обиде ль
до тех пор, пока сердце не бросило бег?
Не глубока о нем у сородичей память:
На могиле – трава, дебри диких кустов...
Но не важно, где ставить теперь, Сергей Палыч,
этот памятник Вам – из гранита стихов...

ИЗ ШЕКСПИРА

Смотреть спокойно просто не смогу,
пока живу и чувствую пока, —
как достается в жизни бедняку,
как не достойный тешится богач.
И не кому мне больше доверять,
и честность у бесчестия в долгах,
и честь девичью не боготворят,
а отдают за деньги на торгах.
И нагласть с глупостью суды вершат
над разумом, над верою в добро,
и немочь мощи не даёт дышать,
и кривда правде затыкает рот.
Чтобы не видеть это – лучше я умру...
Но как же будет без меня мой друг?

Пока поудивляться ходу дней хочу:
как удаётся вырастать из мерок прежних детям,
как убегают к рекам воды споро по ручью,
и шествию травы за вешней влагой следом.
Ещё душа тоской небытия
не заболела, внемля звёздной пыли,
и равнодушья – на сердце – змея
не залегла, как камень на могиле.
Пока не полная судьбина жизни днями – всклянь,
в себе понаблюдаю всполохи желаний.
И кажется мне с устали, на первый взгляд:
не иссякаемы мои стремления и планы..

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ

Припомнит учитель, правдивый всегда,
не пойманный миром Сковорода;
иль скажет Шевченко из вечности мглы:
откуда пришли на планету хохлы?
И что, прости боже, за вольный народ
у вод приднепровских прикольно живет?
Знавала и Вятка, и Меря, и Чудь
хохлятских прикидов закидистый чуб.
Их древнюю карту печатали крупно.
Хотя не писали, что жили там укры.
И вовсе они не берут нас на понт,
когда утверждают, что вырыли Понт.
И в этой связи мы уже не оспорим
притензий к владению всем Черноморьем.
А слышали вы, что они в старину
поставили в небе нам спутник – луну?
Они были в прошлом лукавы и злы —
то с шашкой, то с пикой, крутые хохлы.
Но часто, все ж, им по соболевой шапке
давали османы, лупили поляки.
Им не куда было с земли этой деться!
И плакали сестры их, плакали дети...
Нам было самим до себя – тяжело,
и все-таки взяли мы их под крыло,
укрыли щитом всемогущей империи,
и стихли тут брани и кончились прения.
Пусть только рискнет заграничный засланец
обидеть украинских женщин-красавиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.